

литов. *vāriās* (стр. 148) вместо *vāris*; греч. *thymós*, лат. *fumus* (стр. 160) вместо *thymós*, *fūmus*; литов. *ėsti* (стр. 184) вместо *ėsti*; литов. *gintāras* (стр. 195) вместо *gintāras*; нем. *Revolution* (стр. 196) вместо *Revolution*; франц. *Menagerie* (стр. 341) вместо *Ménagerie*.

Отмеченные недостатки несколько снижают ценность этой в общем, несомненно, полезной книги. Поскольку они касаются главным образом отдельных неточностей и неудачных формулировок, они могут быть устранены при переиздании.

Т. В. Булыгина

J. Erben. Abriss der deutschen Grammatik. — Berlin, Akademie-Verlag, 1958. 208 стр. (Institut für deutsche Sprache und Literatur der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin).

Создание грамматики немецкого языка, построенной на современном материале, излагающей систематически и полно литературные нормы, является давно назревшей и неотложной задачей германистов. Над составлением такой грамматики работает в настоящее время Институт немецкого языка и литературы Немецкой Академии наук (ГДР). Выход в свет «Очерка по немецкой грамматике» И. Эрбена знаменует один из этапов этой работы и заслуживает поэтому особого интереса и внимания. Книга содержит синхронное описание современного литературного языка с очень незначительными историческими примечаниями, объясняющими происхождение некоторых форм, и с большим количеством иллюстративных примеров, частично из литературных источников, частично составленных автором.

Сложность грамматического материала состоит в несоответствии формы и функции, когда различные формы служат для выполнения одной и той же функции, в то время как одна форма многофункциональна. В качестве отправного пункта исследования может быть избрана форма или функция. Эрбен избирает функцию и последовательно проводит принцип «от функции к форме». Основная цель автора — показать функцию и форму в их единстве. При этом оба понятия трактуются широко; так, форма слова охватывает не только словоизменятельные и словообразовательные форманты, но и все показатели ее синтаксической роли: сопровождающие слова, порядок слов и пр., под функцией же понимается и грамматическое значение формы, и отчасти лексическое значение соответствующих слов, и использование ее в предложении. Этим И. Эрбен хочет преодолеть разрыв между морфологией и синтаксисом, а также устранить размежевание между фонетикой, грамматикой и словообразованием. Достигается эта цель прежде всего своеобразным построением и распределением материала.

Книга Эрбена состоит из двух неравных частей — первая, значительно большая (160 стр.), посвящена слову, вторая (около 30 стр.) — предложению. Морфема и

словосочетание единицами не признаются, и поэтому им не отведено самостоятельного места; рассмотрение морфем включено в словообразование и словоизменение, а словосочетания растворены во всех разделах книги.

Одна из основных идей И. Эрбена — идея «валентности» слов — непосредственно связана с учением о словосочетании. Под «валентностью» или «семантическим согласованием» (*semantische Kongruenz*) понимается необходимость или возможность слова быть дополненным другими словами. И. Эрбен приводит высказывание К. Бюлера, что «слова определенного разряда открывают вокруг себя одно или несколько пустых мест, которые должны быть заполнены словами определенных других разрядов» (стр. 165). Идея валентности, несомненно, удачна и плодотворна, она является как бы смысловым ключом к словосочетаниям. Ею занимаются не только немецкие ученые: И. Эрбен, К. Бюлер, Э. Лейзи¹, но и советские германисты В. Г. Адмони, Л. Р. Зиндер (последний интересуется этим вопросом с точки зрения теории вероятности)².

Уже само введение понятия семантического согласования указывает, какое большое место автор отводит лексическому критерию. Внимание к лексической стороне языка характерно для взглядов И. Эрбена, особенно в первой части — «Слово».

Стремление объединить все аспекты языка и представить язык как единое целое проявляется с самого начала книги — в общей части. Строительным материалом слов служат фонемы, поэтому первая глава открывается «инвентарем фонем», за которым следует описание фонологической структуры слова.

Следующие пять глав построены однотипно. В каждой описывается разряд слов по определенной схеме, которая должна охватить все стороны слова: а) обоснование нового термина — названия данного разряда, вскрывающего его функциональную сущность; б) статистические данные, показывающие удельный вес данного разряда в словарном составе; в) семанто-словообразовательная характеристика. В этой связи очень интересно понятие «ассоциативного поля», показанного на примере глагола *reinigen*. «Ассоциативное поле» представляет собой совокупность синонимических, словообразовательных и фонетических связей данного слова с другими словами одного разряда. К сожалению, при описании других частей речи «поле» не упоминается; г) перечисление функций данного разряда слов, под которыми понимаются присущие ему грамматические

¹ См.: К. B ü h l e r, Sprachtheorie, Jena, 1934; E. L e i s i, Der Wortinhalt, seine Struktur im Deutschen und Englischen, Heidelberg, 1953.

² В. Г. А д м о н и, Завершенность конструкции как явление синтаксической формы, ВЯ, 1958, № 1; Л. Р. З и н д е р, О лингвистической вероятности, ВЯ, 1958, № 2.

значения и синтаксическое использование. Описание грамматических форм во всех случаях подчинено описанию функций.

Функциональный подход имел следствием включение в учение о слове значительной части синтаксиса: синтаксические связи слов в предложении, порядок слов, описание некоторых моделей предложений (именных, глагольных бессубъектных), эллипса, даже всех типов придаточного предложения (в связи с союзами). В результате учение о слове оказалось перегруженным, а синтаксис обедненным.

Остановимся на новом разделении частей речи, предложенном автором. Еще в своих статьях Эрбен выдвигал идею «функциональной общности» слов (Funktionsgemeinschaft), согласно которой различные в морфологическом плане слова объединяются в разряды по единой функции. Наиболее полно и своеобразно разработан глагол — центральный разряд слов в немецком языке, которому прямо или косвенно подчинены все остальные. Глагол характеризуется четырьмя «частными функциями»: видом, исходным пунктом действия (Ansatzstelle), временем и реальностью.

Большой интерес представляет новая введенная Эрбеном категория Ansatzstelle (исходный пункт действия), объединяющая значения лица и залога. Она указывает на соотношение агенса и действия. И здесь широко привлекается лексическое значение глагола и подлежащего; указываются глаголы с узким кругом носителей действия, как *fließen, krabbeln, wimmeln, ringen*, глаголы, требующие одного определенного агенса: *bellen, wiehern*. Круг носителей действия может быть расширен в результате переноса значений (*regnen, blühen*) и процесса «смещения субъекта», например *Das Faß läuft aus* вместо *Das Wasser des Fasses läuft aus*. Различение личного и безличного исходного пункта действия (*persönliche und unpersönliche Ansatzstelle*) дает возможность привлечь и безличные конструкции.

Термин «модальность» в книге отсутствует, его заменяет термин «реальность или реализация». К средствам выражения автор причисляет, кроме наклонений, модальных глаголов и модальных слов, также вопрос и отрицание. Менее удачен раздел «временная ступень»; отсутствует деление на абсолютное и относительное употребление; неосвещенным остался плюсквамперфект. Все остальные части речи представлены как функционально подчиненные глаголу. Объединены в один разряд прилагательное и наречие, союз и предлог. По отношению к артиклю автор сохранил точку зрения прошлого века: неопределенный артикль он рассматривает как неопределенное местоимение, а определенный — как указательное.

В учении о предложении заслуживают особого внимания два вопроса: о структуре предложения и о членах предложения. Считая глагол «ядром высказывания» (Aus-sagekern), И. Эрбен конструирует схемы построения простых повествовательных предложений в зависимости от «валент-

ности» глагола. Он различает 4 модели (V — глагол, E — добавление к глаголу).

Первая модель E_1-V состоит только из двух компонентов: глагола и подлежащего, которое рассматривается как добавление к глаголу, например *Vater schläft* или *Es tauet*. Второй тип включает одно добавление E_1-V-E_2 , например: *Großvater ist Katholik (katholisch)*; *Fritz arbeitet gut*.

Третий и четвертый типы отличаются только количеством добавлений к глаголу

$$E_1-V \left\{ \begin{array}{l} E_2 \\ E_3 \end{array} \right.$$

Третий тип, например, *Fritz putzt das Messer blank*; *Gastwirte geben Stammgästen Bier*

$$E_1-V \left\{ \begin{array}{l} E_2 \\ E_3 \\ E_4 \end{array} \right.$$

Четвертый тип, например, *Er schleuderte ihm den Handschuh ins Gesicht* (стр. 165 и сл.). Эти схемы, нам кажется, имеют следующие недостатки: а) в них не учтена валентность обязательная и факультативная, например, тип *Vater schläft* может быть превращен легко в *Vater schläft lange*, в то время как *Vater ist...* требует обязательно третьего компонента; б) одна схема недифференцированно представляет совершенно разные типы, например, трехчленная схема объединяет типы *Großvater ist Katholik (katholisch)*; *Katzen fangen Mäuse*; *Fritz arbeitet gut*; *Fritz entrüstet sich (!)*; *Mitschüler helfen Fritz*; *Fritz geht zum Arzt*; *Fritz geht drei Kilometer*; в) не показаны иерархические отношения между членами предложения (кроме их зависимости от глагола), которые в действительности включаются последовательно, образуя как бы цепочку.

По-новому трактуются в книге и члены предложения. И. Эрбен несколько меняет их классификацию. Автор рассматривает их как заполнение определенных позиций в модели предложения. На этом основании он предлагает заменить термин «член предложения» термином «основные составные части» предложения (Grundbestandteile), но в дальнейшем термин «член предложения» все же фигурирует.

Части предложения располагаются следующим образом. Центральной частью является сказуемое, именуемое «глагольным ядром высказывания» (*der verbale Aussagekern*). Все части предложения, связанные со сказуемым (подлежащее, дополнение, обстоятельство), объединяются под названием «добавления к ядру высказывания» (*Ergänzungsbestimmungen zum Aussagekern*). Сказуемое и его добавления относятся к «примарным членам предложения». Кроме них, существуют три группы «нижнего порядка»: 1) определительные члены, т. е. определения к примарным членам; 2) «порядковые члены», указывающие на порядок следования, выделяющие,

ограничивающие, характеризующие; 3) «связочные члены»: союзы и предлоги.

Попытка провести деление по уровням среди членов предложения, на наш взгляд, удачна и интересна. Группа «порядковых членов» действительно второго плана или уровня по сравнению с «определятельными членами»; впервые членами предложения признаются связочные слова, которые обычно как таковые исключаются, хотя их роль в построении предложения очень велика. Нам кажется только преувеличенным подчинение всех частей предложения глаголу и сведение подлежащего до уровня простого добавления к глаголу.

Второй задачей, которую считает необходимой разрешить автор, является обновление терминологии. В этом отношении, однако, он новатор более умеренный, чем Г. Глинц.

Книга И. Эрбена соответствует тому названию, о котором говорит автор в предисловии. Она будет служить полезным руководством для преподавателей и студентов-филологов. Она содержит много плодотворных мыслей, тонких наблюдений, богатый материал. Эта работа будит мысль, заставляет размышлять и спорить, так как она не только сообщает факты, но и представляет многое в новом свете. Особенно интересны положения о валентности, ассоциативном поле, новый подход к частям речи и членам предложения. «Очерк немецкой грамматики» — интересное и заслуживающее самого широкого внимания начинание в деле создания Большой грамматики немецкого языка, которую с нетерпением ожидают германисты.

Е. И. Шендельс

И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка. — М., Изд-во лит-ры на иностр. языках (серия «Библиотека филолога»), 1958. 459 стр.

Как известно, содержание, объем и метод стилистики как лингвистической дисциплины до сих пор не вполне ясны. Многие языковеды вообще считают стилистику стоящей за пределами науки о языке, предпочитая относить ее всецело к области литературоведения; в лучшем случае они признают ее наукой, занимающей пограничное положение между языковедением и теорией литературы. Книга И. Р. Гальперина представляет несомненный общетеоретический интерес, ибо задумана в качестве опыта «лингвистической» стилистики. Этот общий замысел книги выясняется с первых же строк «Введения», которое начинается именно с рассуждения о содержании лингвистической стилистики как «сравнительного нового раздела языковедения» (стр. 7).

В книге освещаются два основных круга вопросов: во-первых, внутренний механизм и принцип выбора различных (лексических, семантических, фонетических и синтаксических) стилистических приемов; во-вторых, расслоение литературного английского языка на целый ряд речевых стилей. Исследовательский метод, принятый

в книге, представляет собой совокупность нескольких — более или менее последовательно выдерживаемых — принципов.

Первый принцип состоит в стремлении найти тот угол зрения, который дал бы возможность объединить в известную систему ряд стилистических явлений одного порядка. Описывая стилистические приемы в области семантики слов и их сочетаний, И. Р. Гальперин показывает, что в их основе лежат разнообразные вариации взаимодействия различных типов лексических значений слова, причем это взаимодействие используется в экспрессивных целях. Так, метафора, метонимия и ирония основаны на взаимодействии «словарных» и контекстуальных предметно-логических значений (стр. 123—134), случаи антономасии во всех ее разновидностях — на взаимодействии предметно-логических и «назывных» значений (стр. 135—137). Различные синтаксические приемы характеризуются с точки зрения их целенаправленного отклонения от «языковой нормы» (стр. 181 и сл.). Речевые стили И. Р. Гальперин определяет прежде всего по признаку соотношения общего и индивидуального, присущего каждому из них (стр. 343 и сл.).

Второй принцип — стремление анализировать стилистические явления в их взаимосвязи. Ср., например, связь оксюморона с делением лексики на стилистические пласты (стр. 179), связь эвфемизма и синонимии (стр. 164 и сл.), связь речевого стиля с различными стилистическими приемами (стр. 347 и сл.) и мн. др.

Третий принцип — проследивание обусловленности выбора того или иного стилистического средства содержанием высказывания или речевым заданием. Почти всегда автор подробно истолковывает причины и цели употребления конкретных стилистических приемов в приводимом им иллюстративном материале.

Применение этих трех ведущих принципов обеспечило успешное решение в книге многих крупных и частных вопросов английской стилистики. В большинстве случаев анализ стилистических явлений убедителен, приводимый иллюстративный материал выразителен и представлен в достаточном количестве. Это делает книгу И. Р. Гальперина безусловно интересной.

Однако теоретическая база книги и взятое в целом практическое решение проблемы «лингвистической» стилистики как подлинного «раздела языковедения» оставляют читателя менее удовлетворенным. Это может показаться странным после всего того, что было сказано выше о несомненных достоинствах книги, и тем не менее это так. Дело в том, что предмет «лингвистической» стилистики и ее отличие от «нелингвистической» стилистики остается и после прочтения этой книги неопределенным, а лингвистическая сущность самого метода исследования проявляется в труде И. Р. Гальперина недостаточно последовательно.

И. Р. Гальперин различает как явления разных планов «выразительные средства языка» и «стилистические приемы». Под